

Плюснин Ю.М.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ: 1995-2002

Данный текст представляет результаты моих полевых социологических и социально-психологических исследований в сельской местности и малых городах «провинциальной» России в период с 1995 по начало 2002 г. Кроме того, я привлекаю данные, полученные мною ранее в полевых исследованиях 1992-1994 гг.

Под «мировоззрением» я понимаю здесь и исследую только его отдельный аспект: мировосприятие как совокупность обыденных традиционных, разделяемых большинством простых людей, представлений о целях своей жизни, о базовых ценностях человека, об обществе и высших социальных ценностях.

Под «идеологией» также понимается и исследуется некая не вполне организованная (возможно, не эксплицированная) совокупность социально-экономических, социально-политических, а также социальных ценностных установок людей, выражающаяся в разных формах их повседневного и институционализованного поведения, в отношении к важнейшим социальным институтам (прежде всего государству и власти в целом).

В силу объективных причин исследовались только отдельные элементы мировоззрения и «жизетской» идеологии; именно те, которые представлялись мне наиболее чувствительными к внешним воздействиям и наиболее динамичными, чтобы изменяться на коротких временных интервалах, в результате чего могущие быть «измеренными». В этом смысле выбор совокупности индикаторов для оценки изменений общественного сознания и социальных установок был субъективным.

Основной интерес представляет, как мне кажется, динамика социальных и индивидуальных ценностных установок людей, изменения их жизненной идеологии, происходившие в кризисное десятилетие. Однако, некоторые аспекты мировоззрения изучались, начиная только с 1999 или лишь в последнем исследовании 2001-2002 гг.

Мои наблюдения в течение указанного периода времени (1995-2002) не были систематическими в том смысле, что в 1995-1998 годах объектом исследования преимущественно было сельское население, а опрос жителей малых городов не являлся основной целью, тогда как в 1999 г., помимо сельского населения, был проведён опрос жителей 31 города в 12 регионах, а в 2001-2002 годах уже всё исследование было связано только с изучением городского населения и опрос проводился в 19 малых городах. Тем не менее, я считаю возможным даже на основе этих данных проследить изменения в сознании людей, происходившие в кризисный период, и делать некоторые общие выводы. Основания для этого следующие:

(а) в течение всего периода наблюдений в фокусе внимания оставались одни и те же проблемы изменения в мировоззрении и в социальных установках людей в провинциальной России;

(б) проведение повторных наблюдений и опросов в ряде населённых пунктов позволило сопоставить обобщённую динамику изменений мировоззрения с процессами, происходившими в конкретных сёлах и городах;

(в) не только экономическое поведение жителей малых городов, ориентированное на цели физического выживания семьи, но и весь стиль их жизни в последнее десятилетие мало отличался от жизни сельского населения, что позволяет сблизить сельское и городское население также по их жизненным установкам.

Мои наблюдения и выводы основаны на экспертном интервью и анкетном опросе более чем 7100 респондентов в течение 1995-2002 гг., проживающих в более чем 150 сёлах и 50 городах в 25 регионах, относящихся к 5 федеральным округам России: Северо-западный, Центральный, Приволжский, Уральский, Сибирский (подробнее о методологии исследования см. Приложение).

Индивидуальные цели и ценности

Базовые жизненные цели

В течение всего периода наблюдений, с 1995 года, процесса «разрушения» прежней структуры жизненных целей и формирования новой, происходят неоднозначные изменения в предпочтениях людьми базовых целей, главнейших смыслов их жизни. Изменения предпочтений разных смыслов жизни из одного и того же списка нестабильны. К 2002 некоторые тенденции, зафиксированные в 1995, были устойчивы, в других случаях начали формироваться новые (см. Рис. 1).

В жизненной целеполагании простых людей в нашем обществе важнейшее место занимает личностная самодостаточность – тот смысл жизни, который известный психолог Дж. Роджерс назвал присущим полноценной, развитой личности. Этот смысл выражен в формуле «Быть самим собой, оставаться тем, кто я есть в действительности». Несмотря на все трудности последнего десятилетия, именно эта жизненная цель остаётся доминирующей среди базовых жизненных целей простых людей. Это особенно характерно для женщин.

В конце 90-х годов наблюдалось быстрое нарастание числа людей (особенно среди женщин), которые в качестве основных смыслов жизни рассматривали индивидуальный успех, основанный на активной жизненной позиции и достижении собственных целей. К 1998-1999 доля людей с ориентацией на индивидуальные достижения стабилизировалась. В 2001-2002 она осталась неизменной.

Рост индивидуалистических ориентаций происходил за счёт снижения социальных ориентаций, что с точки зрения социальной стабильности нельзя считать позитивной тенденцией. Снижение числа таких людей, которые рассматривают общественно-значимые цели жизни ради других людей, ради своих близких как самые важные для себя, которое наблюдалось всю вторую половину 90-х годов, к 2001-02 прекратилось и их доля в обществе даже возросла.

Стала сокращаться и доля людей, которые ставят для себя самые простые, «растительные» жизненные цели («Жить в тепле и сытости, довольствоваться тем, что приносит каждый новый день»). Это те люди, которые во многом утратили социальные и личностные ориентиры, вынужденные ежедневно думать только о куске хлеба, о физическом выживании семьи.

В целом картина распределения в «провинциальном» обществе предпочтений смыслов жизни, наблюдаемая к середине 2001- началу 2002, представляется более благоприятной с точки зрения перспектив общественного развития, чем это было в 1995-1999 годах.

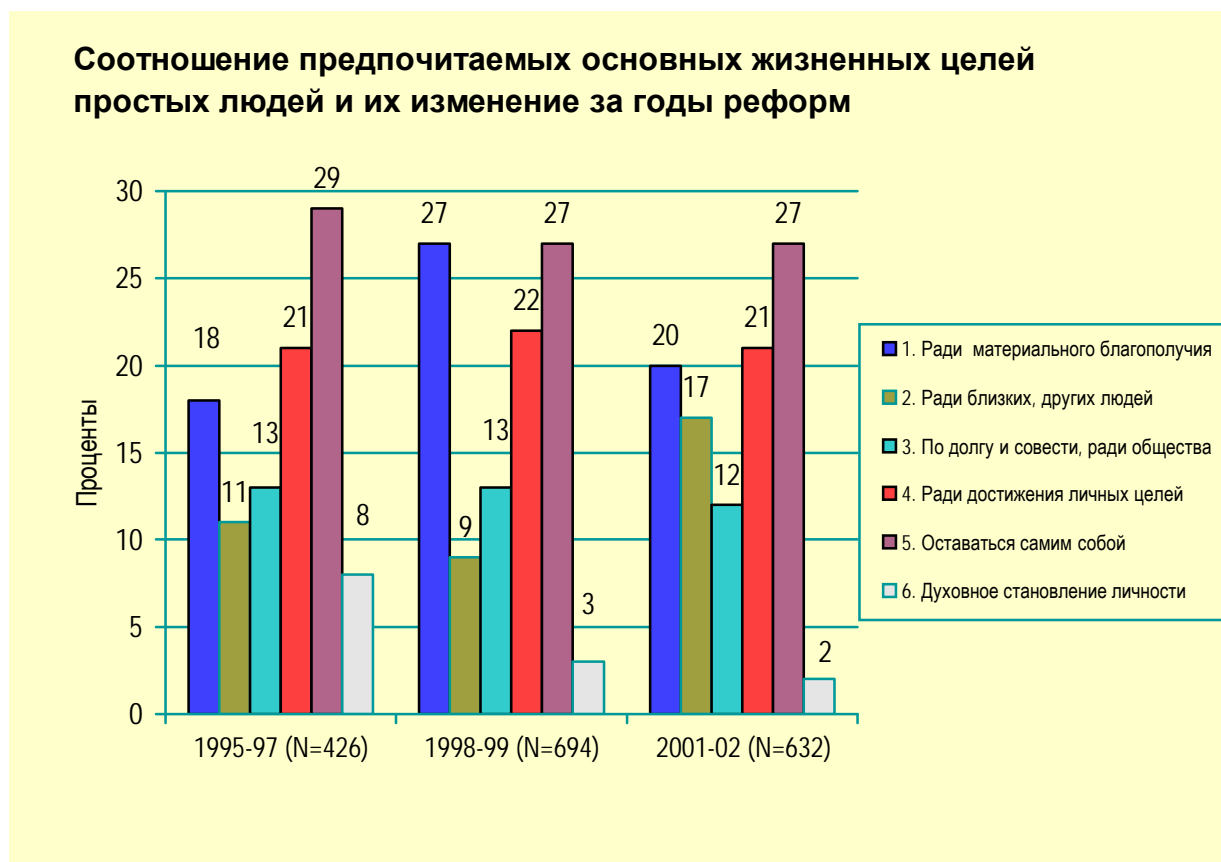

Рис. 1. Распределение респондентов по предпочитаемым жизненным целям в 1995-2002.

На рисунке представлено распределение приоритетных (выбранных в качестве главнейших) целей в объединённой выборке мужчин и женщин в среднем возрасте 39 лет. Предлагаемый респондентам список основывается на соответствующем списке Морриса-Роджерса из 6-ти базовых жизненных целей представителей разных обществ; смыслы считаются культурно-независимыми.

Наблюдаемые изменения в предпочитаемых целях жизни неоднозначны и вариативны. В одних случаях видны обратимые изменения предпочтений, как, например, доля людей, которые ставят перед собой самые простые, «растительные» жизненные цели (№1). В других случаях возможны однозначные тенденции: так, неуклонно сокращается доля людей, которые считают важнейшей целью жизни духовное становление и развитие личности (№6).

Перестало возрастать число людей, которые ориентируются преимущественно на индивидуально значимые цели, на личное достижение (№4). В целом доля таких людей в обществе, начав, по косвенным оценкам, возрастать в первые годы кризиса, стабилизировалась к 1998-99 и в 2001-02 осталась неизменной. Одновременно, прекратилась весьма тревожная тенденция снижения доли людей, которые рассматривают общественно-значимые цели жизни ради других людей как самые важные для себя (№2). По-прежнему остаётся численно стабильной группа, основным смыслом жизни которой является жизнь ради общества, по долгу и совести (№3), хотя таких людей в нашем обществе слишком мало. Стабильна и самая многочисленная группа – те, кто выбирают в качестве важнейшей цели жизни стремление оставаться самим собой, быть личностью (№5).

Система индивидуальных ценностей

Во всё время наблюдений, с 1995 г., постоянно фиксировались изменения в ценностных предпочтениях людей. Тенденции носили одну и ту же направленность: непрерывный рост значимости для каждого отдельного человека ценностей физической безопасности и материального благополучия в ущерб высшим ценностям личностной самореализации и социального самоутверждения (см. рисунки 2 и 3).

В 1998-99 гг. динамика преобладания низших ценностей благополучия и безопасности приобрела в обществе угрожающий характер. Социально-ориентированный ценностный выбор, особенно у женщин, стал крайне низким, уступив место индивидуально-ориентированным ценностям материального жизнеобеспечения и физической защищённости. На этом основании был сделан вывод, что такая ситуация не может сохраняться долго и в скором времени будет наблюдаться обратная тенденция роста значения для людей социально-значимых и высших ценностей самоутверждения и самореализации.

Однако этого не произошло. И в 2001-2002, как и в 1999, сохранились в целом те же негативные (с точки зрения общественного развития) процессы. Ситуация представляется крайне неблагоприятной. Еще больше возросло значение ценностей физической безопасности, защищенности человека. Возросло и значение ценностей материального благополучия. Предельно снизился выбор высших ценностей личностной и социальной самореализации.

Как для мужчин, так и для женщин основу индивидуального ценностного выбора составляют, в соответствии с рангом (частотой выбора) следующая группа из шести ценностей: ценность индивидуального здоровья (постоянное первое место все последние годы), ценность семьи (её значение возросло к 2001-02), ценности материального благополучия и физической защищенности, а также ценность простой жизни, без стремления к достижению или ожиданий социального успеха. В эту группу входит единственная ценность из разряда высших – ценность работы, активной трудовой жизни. «Отвергаемые» в обществе ценности составляют почти неизменный список таких, как: (1) жизнь в удовольствие; (2) общественное признание, (3) творчество и (4) равенство людей.

Приходится констатировать, что наблюдаемая динамика индивидуальных ценностных выборов может иметь негативные последствия для общества, поскольку она отражает центробежные тенденции на локальном социальном уровне. Общество (в лице властных институтов) вынуждено будет в ближайшем будущем сформировать и развить институциональные механизмы, которые обеспечат изменение ценностных предпочтений людей в сторону доминирования высших ценностей – социальных отношений, социально-профессионального самоутверждения и самореализации. Эти механизмы по необходимости могут оказаться репрессивными структурами. Чтобы избежать этого, следует разработать методы целенаправленного идеологического воздействия на жизненное целеполагание людей.

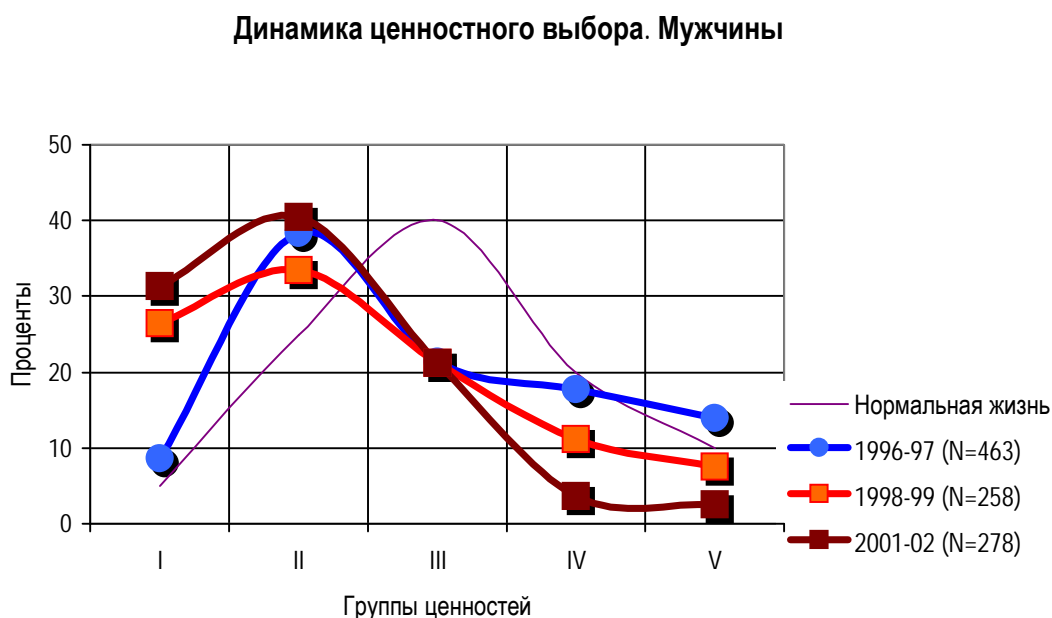
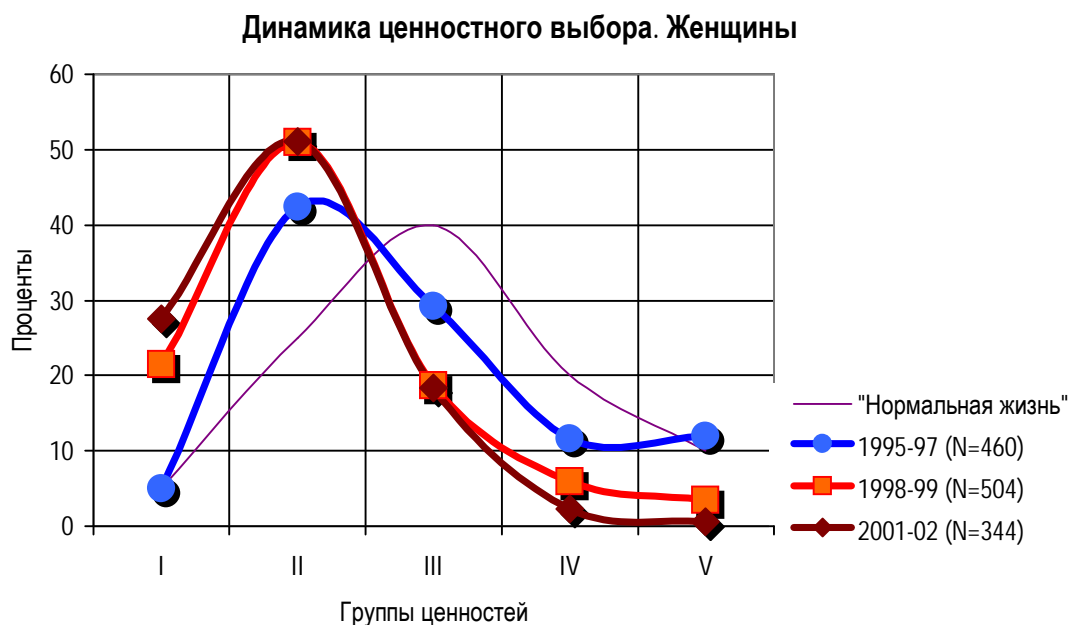

Рис. 2. Сдвиг в индивидуальной системе ценностей.

На рисунке представлена динамика ценностного выбора отдельно для взрослых женщин и мужчин. Данные объединены по двум смежным годам (у женщин объединены данные 1995-1997 гг., для мужчин нет данных за 1995 г.). Наблюдаются достаточно выразительные различия в динамике ценностного выбора у мужчин и женщин. Если у женщин в 1995-2001 гг. наблюдается очень тревожные изменения в структуре ценностного выбора: возрастание значения ценностей материального благополучия и безопасности при снижении роли высших ценностей и, особенно, ценностей социальных связей (в том числе ценности семьи), то у мужчин изменения в ценностном выборе имеют ярко выраженный полярный характер: при постоянном доминировании ценностей безопасности быстро нарастает значение группы ценностей благополучия за счёт радикального снижения роли ценностей социального самоутверждения и личного саморазвития. Представляется очень важным позитивным фактом то, что у мужчин не происходит снижение роли ценностей социальных отношений. К сожалению, это единственный позитивный факт.

Рис. 3. Сдвиг в индивидуальной системе ценностей. Суммарные данные.

На рисунке представлена обобщённая картина изменений в иерархии предпочитаемых индивидуальных ценностей (первые три ценности, выбираемые респондентами из списка 18 ценностей) у взрослых мужчин и женщин (средний возраст 39 лет).

За период наблюдений в обществе произошли существенные изменения в структуре индивидуально предпочитаемых ценностей; все они носят неблагоприятный характер. Резко возросло значение ценностей индивидуальной безопасности и низших ценностей «жизни ради желудка и кожи». Снизилось значение не только высших ценностей, но ценностей социальных отношений.

Группы ценностей: I - материального благополучия (ценности простой жизни, благополучия, жизнь ради удовольствий); II – безопасности (индивидуальная защищённость, здоровье, жизнь человека); III - социальных связей (семья, любовь, дружба и социальные отношения); IV – самоутверждения (равенство людей, независимость, социальное признание, карьера, работа, активная жизнь); V - личностной самореализации (свобода, творчество, познание, понимание, красота).

Социальные ценности

Социальные ценностные предпочтения

Структура социальных ценностных предпочтений простых людей в 2001-02 в сильнейшей степени смещена в сторону «материалистических» ценностей – предпочтение отдаётся решению текущих и глобальных экономических задач и задач обеспечения внешней и внутренней безопасности страны и населения по сравнению с задачами социального, политического и гуманитарного развития российского общества.

Такая иерархическая структура социальных ценностей находится в полном соответствии с иерархией индивидуальных ценностей населения. Как и последняя, она отражает кризисное сознание населения, ориентированное на решение элементарных проблем жизнеобеспечения: безопасности и благополучия, в ущерб высшим общественным целям (см. Рис. 4).

Абсолютное доминирование материалистических ценностей над постматериалистическими с максимальной наглядностью проявляется при ранжировании ценностных выборов людей: все первые (материалистические) занимают верхнюю половину списка, тогда как вторые – нижнюю (см. Рис. 5).

Определённость ценностного выбора населения «провинциальной» России отражает и соответствующую типологию социальных ценностных установок. Более 80% населения являются носителями исключительно материалистических или преимущественно материалистических ценностных установок. Смешанные типы установок характерны только для 16%, а преимущественно постматериалистические – лишь для 3,5% людей. Никто в нашем обществе не отдаёт предпочтение исключительно постматериалистическим ценностям.

Следовало бы говорить о низкой поляризации общества по признаку социальных ценностных выборов. Однако настораживают по крайней мере два следующих соображения. Во-первых, тотальность материалистических ценностных ориентаций может свидетельствовать о нарастании центробежных, диссипативных процессов в обществе.

Во-вторых, ценностные ориентации обыденного сознания «среднего» россиянина находятся в радиальном противоречии с тем ценностным сдвигом в массовом сознании, которое фиксируют исследователи в последние десятилетия в западноевропейских обществах. Мы должны в этом случае говорить о противоположных направлениях в ценностных сдвигах людей в России и в государствах Западной Европы. А ведь эти противоположно направленные тенденции в сознании идут в то же самое время, когда нарастает интенсивность взаимодействий между представителями разных обществ. Формируется новый «русский крест», когда рост взаимодействий между членами разных обществ происходит одновременно с нарастанием ценностных различий между ними. Это создаёт условия не только для конфликта интересов, но более того – для конфликта мировоззрений.

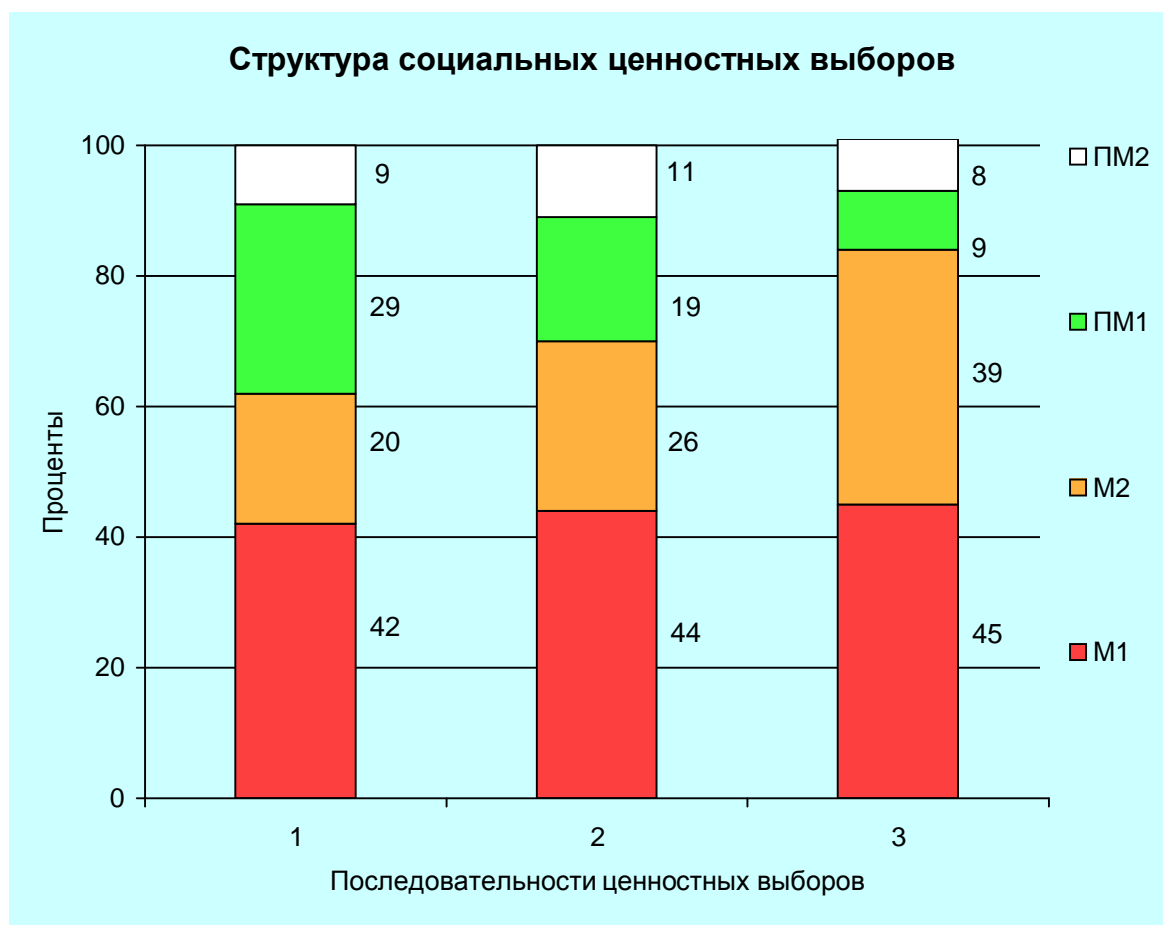

Рис. 4. Структура социальных ценностных выборов.

На рисунке представлены усреднённые результаты трёх последовательных выборов из трёх списков социальных ценностей (по методике оценки социального ценностного выбора Р. Инглекхарда). Каждый список состоит из наименований 2-х «материалистических» (М) социальных ценностей (ценности, относящиеся к материальному благополучию людей и их безопасности) и 2-х «постматериалистических» (ПМ) социальных ценностей (относящиеся к социетальным, политическим и гуманистическим ценностям). Объём выборки – 663 человека.

В первом списке респонденты осуществляли выбор между такими ценностями, как «Сохранение порядка в стране» (M1), «Борьба с повышением цен» (M2), «Предоставление народу возможности больше влиять на решения правительства» (PM1), «Защита свободы слова» (PM2). Проблемы безопасности (M1) считали важнейшими 42% людей; во вторую очередь выбор падал на экономические проблемы (M2) – 29%. Однако, значительное внимание уделяется и политическим вопросам – расширению участия населения во власти (PM1 – 20%), несколько меньшее – гражданским свободам (PM2 – 9%).

Во втором списке осуществлялся выбор между ценностями «Достижение высокого уровня экономического развития страны» (M1 – 44%), «Обеспечение надёжной обороноспособности страны» (M2 – 25,5%), «Создание таких условий, когда люди имеют больше возможностей самим решать, что должно делаться у них на работе, по месту жительства» (PM1 – 19%), «Забота о красоте и благоустройстве наших городов и сёл» (PM2 – 11,5%).

В третьем списке осуществлялся выбор между ценностями «Стабильная экономика» (M1 – 44,5%), «Борьба с преступностью» (M2 – 38,5%), «Движение в направлении от обезличенного к более гуманному обществу» (PM1 – 9%), «Движение в направлении к обществу, в котором идеи ценятся больше денег» (PM2 – 8%).

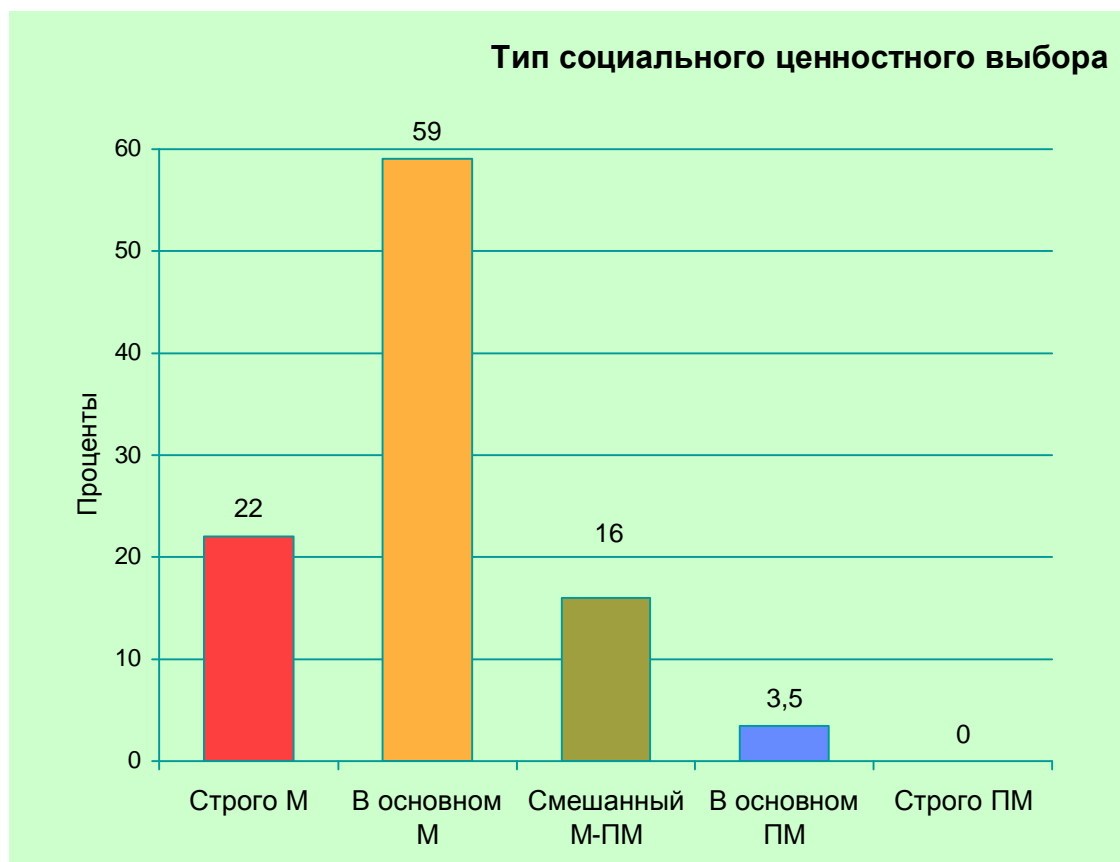

Рис. 5. На рисунке представлено распределение респондентов – взрослых мужчин и женщин (N=627) – по типу предпочитаемых выборов социальных ценностей: материалистических (М) или постматериалистических (ПМ).

Все респонденты были распределены на 5 типов по степени предпочтения соответствующих материалистических (благополучие и безопасность) или постматериалистических (социальные, политические, гуманистические) ценностей: (1) тип «Строго М» - 21,7% - респонденты, которые во всех своих 6-ти выборах (по два в каждом из трёх вариантов) продемонстрировали предпочтение исключительно материалистических социальных ценностей; (2) тип «В основном М» - 59,0% - респонденты, которые выбрали 4-5 материалистических и 1-2 постматериалистических ценности; (3) смешанный тип «М-ПМ» - 15,8% - респонденты, выбравшие одинаковое количество тех и других ценностей; (4) тип «В основном ПМ» - 3,5% - респонденты, выбравшие 4-5 постматериалистических и 1-2 материалистических ценности; (5) тип «Строго ПМ» - 0% - респонденты с исключительно постматериалистическими ценностными ориентациями (таковых не оказалось совсем).

Тип выбора (М ПМ)	Социальная ценность	%
М (благополучие)	Стабильная экономика	44,5
	Достижение высокого уровня экономического развития	44
	Борьба с повышением цен	29
М (безопасность)	Сохранение порядка в стране	42
	Борьба с преступностью	39
	Обеспечение надёжной обороноспособности страны	25,5
ПМ (политические свободы)	Предоставление народу больше возможностей влиять на решения правительства	20
	Защита свободы слова	9
	Развитие местного самоуправления	19
ПМ (социальные и гуманистические цели)	Благоустройство и красота городов и сёл	11,5
	Движение в направлении к гуманному обществу	9
	Движение в направлении к идеальному обществу	8

Ценностные установки, связанные с семьёй и ближайшим окружением

Консолидирующая роль соседской общины не только в сёлах, но и в малых городах страны сохраняет своё значение. Неформальные, соседские отношения между людьми определяются ими преимущественно как нормальные, хорошие или прекрасные (более 80%). Плохими или трудными отношения между людьми считают менее 15-20% респондентов. Примечательно полное отсутствие какой-либо динамики в оценке качества соседских отношений во все годы.

В течение всех лет кризиса мы наблюдаем также постоянную и значительную поддержку людей со стороны родственной группы и соседской общины. Эта поддержка и моральная и материальная. Причём в более тяжёлые времена (1994-1996) материальная взаимопомощь была выше, чем в последние годы, когда люди стали жить значительно лучше. Моральную, психологическую поддержку постоянно получают более 2/3 всех респондентов. Сравнительно небольшая доля людей (менее 20%) говорит об отсутствии ощутимой моральной поддержки со стороны близких.

Примечательно, что постоянно во всех исследованиях и во все годы кризиса в провинциальном обществе остаётся крайне малой группа тех людей, которые чувствуют и считают себя одинокими: это всего не более 10-12% взрослых людей. Несмотря на кризис, на все трудности жизни, в противовес неоднократным заявлениям о процессах распада соседской общины, мы наблюдаем другую реальность: общинные отношения продолжают оставаться крепкими и сохраняют высокую интенсивность.

Необходимо постоянно подчёркивать, что благоприятные родственно-дружеские отношения в соседской общине – правило для нашего общества. Каждый член его всегда может рассчитывать на поддержку и помощь. Это есть фактор консолидации и стабилизации общества.

Мировоззрение

Социальные аттитюды как индикаторы обыденного мировоззрения

В исследовании 2001-02 гг. была предпринята попытка оценить основные социальные аттитюды населения – внутренние эмоционально-когнитивные и оценочные ориентации (диспозиции) на предпочтение определённых норм социального поведения человека. Нормативное поведение и соответствующие ему аттитюды типологизировались на основе известного подхода Д. Рисмена к выделению интернально/экстернальных типов поведенческих ориентаций и соответствующих им типов культур (традиционная, индустриальная и современная - постмодернистская). Картина, сложившаяся в результате оценки совокупности 13-ти социальных аттитюдов, позволяет представить основные составляющие мировоззрения «среднего россиянина», жителя провинции.

1. Гендерные аттитюды. Взгляд респондентов на природные различия и социальные роли мужчин и женщин преимущественно (60%) определяется современными установками: с точки зрения большинства людей ни природно-биологические, ни индивидуально-физические различия между полами не должны приниматься в расчёт. В основе равенства полов – их социальное равенство, обу-

словленное родовой принадлежностью к человечеству. «Индустриальная» установка – признание законодательно установленного равенства полов, не снимающего их природных различий, характерна для 20% респондентов. И такое же количество (20%) считают важнейшим фактором правовых, социальных и экономических различий между полами их природные различия («традиционная» установка). Доминирующая у «провинциального» населения установка на социальное равенство полов (сравнительно с двумя другими установками) представляется одной из важных предпосылок для развития гражданского общества в России.

2. Социальные образцы (аттитюды социального воспроизводства).

Взгляд простых людей на то, кто является или должен являться образцом для «конструирования жизни», сильно различается у мужчин и женщин. Мужчины значительно больше, чем женщины, ориентированы на архаичные (традиционные) или индустриальные социально-культурные образцы и, соответственно, меньше – на современные. В целом же для одной половины людей (47%) образцовую основу для жизненного планирования составляют родители, члены семьи или достигший успеха человек из своего социального окружения (индустриальная установка). Для другой половины респондентов (49%) социальные образцы носят вполне условный характер, более важным для них кажется уподобление другим, соответствие изменчивому стандарту, моде. Лишь незначительная часть респондентов (4%) разделяет архаические (традиционные) аттитюды, стремясь ориентироваться на героические образцы прошлого. Дифференциация людей на две почти равные группы, для одной из которых социальный образец – семья, а для другой – толпа, может свидетельствовать об углубляющихся различиях во взглядах на цели и методы социализации.

3. Социальные эспектации.

Требования и ожидания от человека со стороны общества как его безусловное право признают лишь 4% людей. Эта традиционная установка целиком перекрыта индивидуалистической «индустриальной» установкой («требовать от человека должен прежде всего он сам») которой придерживаются 77% людей. Относительно велика и доля людей, разделяющих «модернистскую» установку редукции большинства социальных эспектаций и снятия социального контроля (19%). Такое распределение взглядов на статус человека в обществе может считаться благоприятным условием для развития индивидуальной активности.

4. Аттитюды социального патернализма.

Однако, несмотря на выраженную установку на индивидуальную ответственность человека, в провинциальном обществе всё ещё очень широко распространено традиционное убеждение в необходимости социального патернализма: 45% респондентов считают, что любой человек должен рассчитывать на поддержку со стороны общества; в обществе не должно быть лишних людей. Почти такое же число респондентов (39%) придерживаются современного варианта социального патернализма: обязательной социальной защиты только по отношению к незащищенным категориям населения. Только небольшая доля респондентов (16%) демонстрирует индивидуалистическую установку элиминации любых форм патернализма в обществе, поскольку «каждый должен уметь выживать самостоятельно». Столь высокая ориентация провинциального общества на поддержку всех его членов свидетельствует о существующей сильной интенции к социальной сплочённости.

5. Социальное достижение.

Отношение людей к общественному признанию во многом сохраняет индустриальные установки, сложившиеся в советские годы: бо-

лее 2/3 респондентов (67%) считают, что признание и уважение должны прямо зависеть от результатов деятельности самого человека, и ни от чего больше. Остальная 1/3 респондентов распределилась поровну, принимая либо аттитюды традиционной культуры (15%) – признаками социального статуса и достижения являются возраст и знатность (происхождение), – либо современные «релятивистские» аттитюды (18%) – признаком социального достижения являются лишь известность и популярность. Такое широкое признание людьми индивидуальной деятельности как условия социального достижения представляется позитивным с точки зрения задач активизации человеческого потенциала в нашем обществе.

6. Трудовые аттитюды. Вероятно, только в отношении к труду в провинциальном российском обществе проявляется ещё значительная приверженность традиционным архаическим культурным стереотипам. Треть всех респондентов (35%) признаёт значимость индивидуальной трудовой деятельности как условие связности и стабильности локального сообщества, как признак включённости в «мир», в общину. Половина (49%) респондентов демонстрирует индивидуалистские, «индустриальные» трудовые аттитюды: всякая работа делается для себя и сам человек должен оценивать качество своего труда. Только для 16% респондентов свойственна «современная» установка на труд как на социально-зависимую деятельность, в которой отношения между людьми важнее результатов производственной деятельности. Подобное распределение трудовых аттитюдов может свидетельствовать, в частности, о высокой мобилизационной способности провинциального населения.

7. Отношение к профессиональной деятельности. Возможно, только профессиональные аттитюды сохраняют в провинциальном обществе традиционный характер. Отношение к профессии как к цеховой, «наследственной» деятельности человека, как его социальному и статусному признаку, присуще 39% людей. Столь же велика (39%) и доля людей, рассматривающих профессию в качестве средства для достижения индивидуальных целей, и при этом в пожизненной форме («человек выбирает профессию и бывает верен ей всю жизнь»). Наименьшую долю (22%) составляют те, кто не считает профессиональную деятельность ни целью и основным содержанием жизни, ни средством достижения цели. Они разделяют релятивистское отношение к профессии как к способу организации социальных отношений. Такие особенности профессиональных аттитюдов свидетельствуют о низком потенциале социальной мобильности в провинциальном обществе.

8. Отношение к образованию. В отличие от профессиональных установок, отношение к образованию типично современное. Лишь немногие люди (7%) считают образование необходимостью, той платой, которую нужно заплатить, чтобы обеспечить своё нормальное существование в современном обществе. Значительно большее число людей (43%) рассматривают образование как условие индивидуального успеха в жизни, как средство в конкурентной борьбе за лучшие рабочие места. А половина респондентов (50%) рассматривают образование как самоценную деятельность. Это новый, «модернистский» подход, и его столь значительная распространённость в провинциальном обществе отражает быстро произошедшие изменения в массовом сознании, которые уже теперь требуют и изменения государственной политики в отношении системы профессионального (прежде всего) образования.

9. Политические аттитюды. Распределение среди населения типа отношения к власти определённо смещено в сторону преобладания прагматических и реля-

тивистских взглядов, в целом не слишком совпадающих с целями государства. Исходя из распространённого мнения (заблуждения?) о высокой консервативности провинциального общества, полученное распределение ответов представляется необычным. Для политических установок характерны выраженная возрастная и половая окраски: старшее поколение и мужчины много более привержены традиционным и индустриальным установкам, чем молодёжь и женщины. Среди этих последних по крайней мере на 1/3 меньше людей с установками «государственников», чем среди мужчин зрелого возраста. Лишь 10% респондентов разделяют установки на безусловное подчинение закону и власти как условия стабильности общества. Для 32% респондентов основу отношения к власти составляет её законный характер. Однако, поскольку она есть результат общественного договора, она может быть изменена, если становится неэффективной. Однако для половины мужчин (49%) и двух третей женщин (65%) отношение к власти основано на утилитарных внутренних установках: признании лишь индивидуальной полезности власти («хороша лишь та власть, что удобна и полезна»). Такое распределение политических установок в провинциальном обществе позволяет говорить о высокой подверженности его сиюминутным политическим настроениям и электоральной «гибкости».

10. Отношение к политическим свободам. Отношение к свободе слова и праву голоса в провинциальном обществе носит выраженный индивидуалистический характер: это личное право человека (63%). Сравнительно немногие (13%) не признают необходимости политических свобод. А четверть населения (24%) считает их обязанностью каждого гражданина.

11. Отношение к традиции. Характер ответов респондентов свидетельствует о негативной направленности установок в отношении традиционного поведения. Лишь малая часть людей (7%) признаёт безусловную важность традиций и «старинных» законов, как и необходимость подчинения им. Мужчины преобладают в этой группе. Остальные респонденты либо придерживаются «индустриальных» установок (16%), придавая большее значение текущей деятельности, чем установлениям традиции, либо, в большинстве своём (77%), отдавая предпочтение современным анти-традиционалистским установкам, которые полагают сиюминутно складывающиеся отношения между людьми в качестве базиса человеческого поведения. Отмечаемый сдвиг в массовом сознании по отношению к традиции может свидетельствовать о нарушении в обществе базового представления о непрерывности социально-исторического и культурного развития. Это – один из явных признаков высокой подверженности массового сознания манипуляциям, в частности, со стороны СМИ.

12. Отношение к современной жизни. Традиционную «адапционистскую» установку по отношению к жизни («к жизни надо активно приспосабливаться, стараясь изменить себя, а не её») высказывает значительная часть людей (25%). Противоположную, современную «модернистскую» установку («по жизни лучше плыть, приноравливаясь к её течению») демонстрируют всего 10% представителей провинциального общества. Подавляющее большинство людей – 2/3 (66%) – предпочитают выбирать активную индивидуалистическую позицию: необходимость выстраивать частную жизнь в соответствии с сознательно выбранными целями. Такое распределение жизненных установок свидетельствует о доминировании в их основании рациональных предпосылок.

13. Отношение к будущему. Для провинциального российского общества оказался не характерным фатализм и отношение к собственной судьбе как к Року. Только 10% людей считают, что их индивидуальная воля не имеет никакого значения для определения их жизненного пути. Во много больше (47%) тех, кто уверен в том, что судьба человека в его собственных руках. Это люди, ориентированные на индивидуальный жизненный успех и индивидуальный путь к нему. Неважно, что далеко не всем это удаётся. Важно, что многие имеют такие внутренние эмоционально-когнитивные установки. В то же время немало (43%) людей, которые считают невозможным индивидуальное планирование будущего в силу безусловной зависимости человека от других людей; воля к изменению жизни отнositельна и зависит от окружения.

В результате комбинации совокупности социальных аттитюдов были выделены соответствующие типы «социальных характеров», свойственные населению малых городов страны (см. Рис. 6). Доминирующими типами «социальных характеров» в провинциальном обществе оказались индустриальный тип (с внутренней индивидуальной и семейно-родственной ориентацией, деятельностной позицией, выраженной мотивацией достижения) и смешанный индустриально-современный тип (сочетающий черты индустриального и современного отношения к жизни, человеку, обществу, профессиональной деятельности и т.п.). Эти два типа ценностных аттитюдов в сумме доминируют в обществе.

Вероятно, такое распределение типов социальных аттитюдов свидетельствует о переходных процессах в обыденном мировоззрении провинциальной части нашего общества – переходе от индустриального типа сознания к современному, «постмодернистскому». Социальные типы связаны и с религиозностью жителей: по крайней мере ясно, что религиозность индивидуально ориентированных людей ниже, чем в случае традиционного характера.

Религиозность

Вероятно, рутинные социологические методы не позволяют адекватно оценить даже уровень религиозности населения, не говоря уже о структуре религиозного сознания. Ответы на вопросы анкет показывают, что от 2/5 до 1/2 провинциального российского населения признают себя верующими людьми. Однако наблюдения, проведённые в то же время, свидетельствуют, что доля людей, приверженных какой-либо конфессии (в данном случае это преимущественно православная христианская церковь) и проявляющих это в своём обыденном или этикетном поведении, в любом конкретном городе, селе очень невелика.

Надо думать, что конфессиональная религиозность, сопровождающаяся исполнением обрядов, молитвами и участием в церковных службах, или активностью в приходах, крайне невелика и нигде не составляет больше 5-10% (а многие наблюдения заставляют говорить об ещё меньшей доле участия людей в религиозной деятельности).

Потребность в вере и в её актуализации в конкретных формах поведения, поскольку она не находит выражения (или у немалого числа людей не нуждается) в канонических обрядовых формах, реализуется иначе. Представляется, что место религиозного сознания заступает экологическое сознание. Религиозная потребность находит удовлетворение в экологической деятельности, поскольку она удовлетворяет критериям рациональности и объяснительной силы, которые, в си-

лу распространения образования, считаются безусловными. Современный человек, особенно «провинциал», живущий в тесной связи с природой, отождествляет своё религиозное чувство с архаическим чувством единства с природой. В результате оно выливается в эко-центристское мировосприятие, замещающее религиозное чувство.

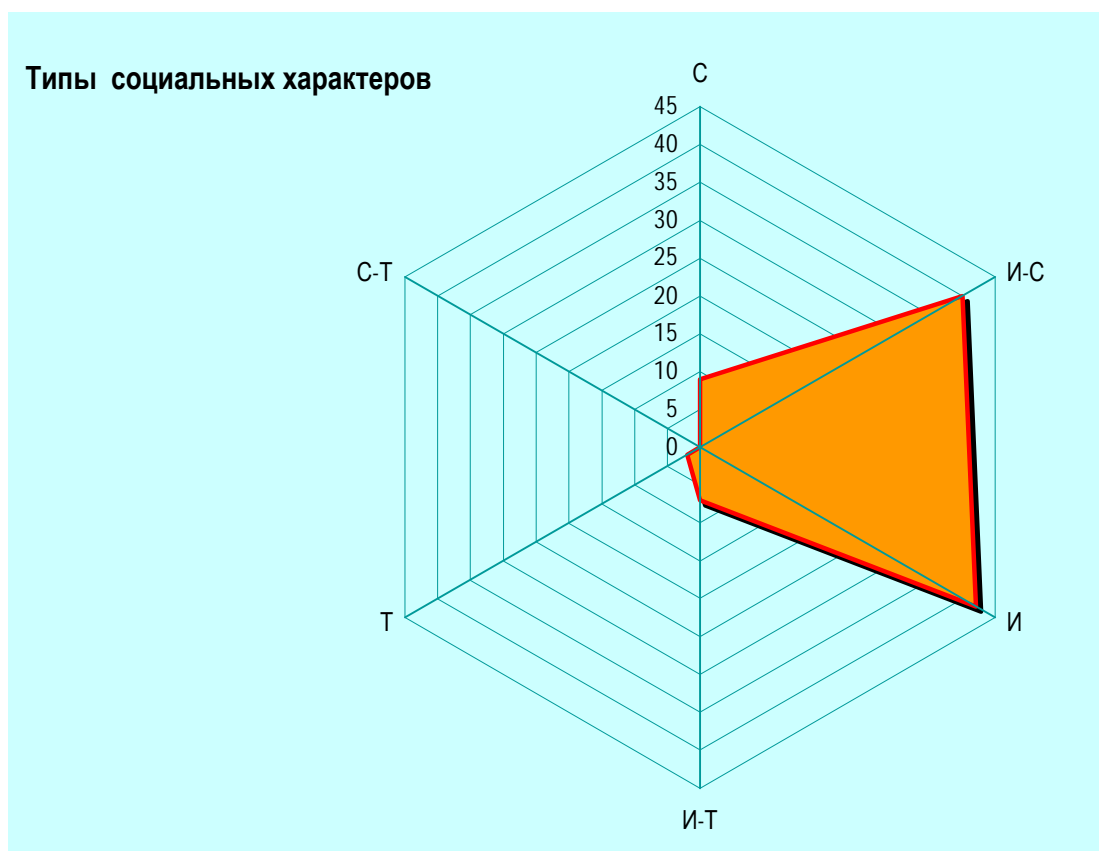

Рис. 6. Распределение респондентов по типам «социального характера».

На рисунке представлено распределение респондентов (взрослых мужчин и женщин; N=575) по трём основным и трём промежуточным типам «социального характера». Выделение типов основано на совокупном предпочтении социальных установок, отражающих традиционные (Т), индустриальные (И), современные (С) или промежуточные (Т-И, И-С, С-Т) социальные установки, описанные в тексте. Индивид относился к основному типу (Т, И или С), если не менее 7 его выборов из 13 суждений являлись характеристикой данного типа. Отнесение к промежуточному типу осуществлялось, если имелось не менее чем по пяти выборам для двух любых типов.

Рисунок демонстрирует, что распределение по 6-ти типам социальных установок (характеров) крайне неравномерно. Все респонденты распределились лишь по пяти типам (смешанный традиционно-современный тип социальных установок не реализован). Из «чистых» типов доминирует индустриальный (индивидуально ориентированный) тип установок (42%), два других представлены очень небольшой долей людей (менее 2% традиционный тип и менее 9% - современный «постмодернистский»). Однако очень большую долю (40%) составляют респонденты, которые по своим социальным установкам отнесены к смешанному (промежуточному) индустриально-современному типу. Смешанный традиционно-индустриальный тип представлен чаще, чем чистый традиционный (около 7%).

Экологическое сознание. Отношение к природе

Продолжаются процессы, зафиксированные с 1998 г. и ранее подробно мною описанное: всё более расширяется в массовом сознании этическое и эстетическое отношение к природе, формируется новое экологическое сознание. В этом процессе следует особо отметить два момента, которые мне представляются ключевыми для будущего социального развития.

Во-первых, население сёл и малых городов всё дальше уходит от утилитарно-негативной экологической «парадигмы изъятия» (или «идеологии чужой кладовки»). В сознании простых людей расширяются и укрепляются новые этические принципы отношения к природе: возрастает понимание необходимости природоохранной и консервирующей деятельности. Это находит выражение и в соответствующем общественном поведении (экологических протестных акциях, создании новых экологических общественных движений и организаций). Но ещё более важным представляется распространение в обществе глубокого эстетического чувства к природе см. Рис. 7). Этот динамичный процесс захватывает уже практически все слои провинциального населения, начинает определять не только социальные установки людей, но формировать новую экологическую идеологию и новые формы поведения, в том числе экономического.

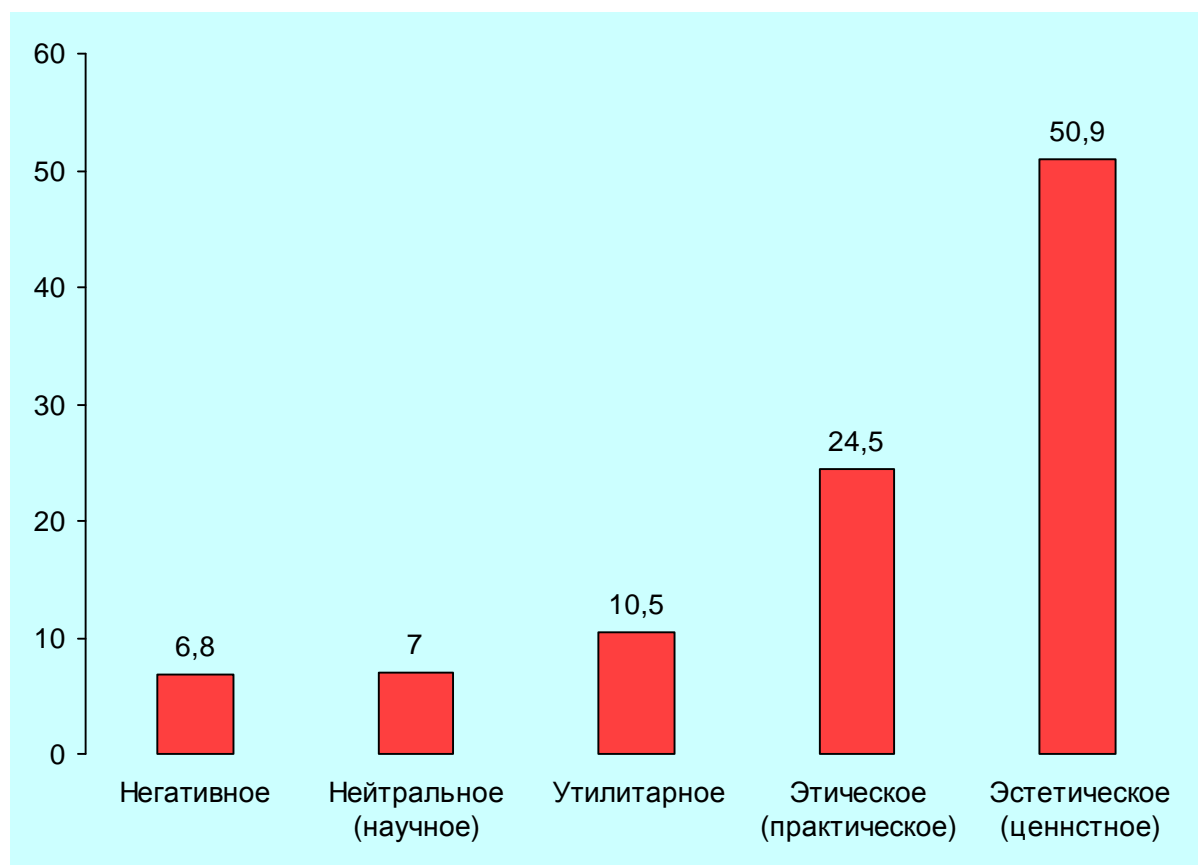

Рис. 7. «Структура экологического сознания – типы отношения к природе у населения провинциальной России.

Именно это последнее обстоятельство представляется мне вторым важнейшим результатом изменений на уровне экологического сознания людей. В течение уже не менее чем 4-5 последних лет мы являемся свидетелями спонтанного становления и развития нового экономического поведения: экологически ориентированного предпринимательства. Это самодеятельная активность населения малых городов и сёл связана не только с щадящим использованием, но и с воспроизводством местных ресурсов. Но, что не менее важно, эта активность направлена и на актуализацию человеческого потенциала локальных сельских и городских сообществ. Это уже шаг в будущее. И шаг сделан самостоятельно, он не был инициирован сверху центральной властью или СМИ. Напротив, это движение развивается при полном отсутствии целенаправленной государственной поддержки и даже при противодействии, оказываемом ему со стороны масс-медиа.

Социально-экономические установки

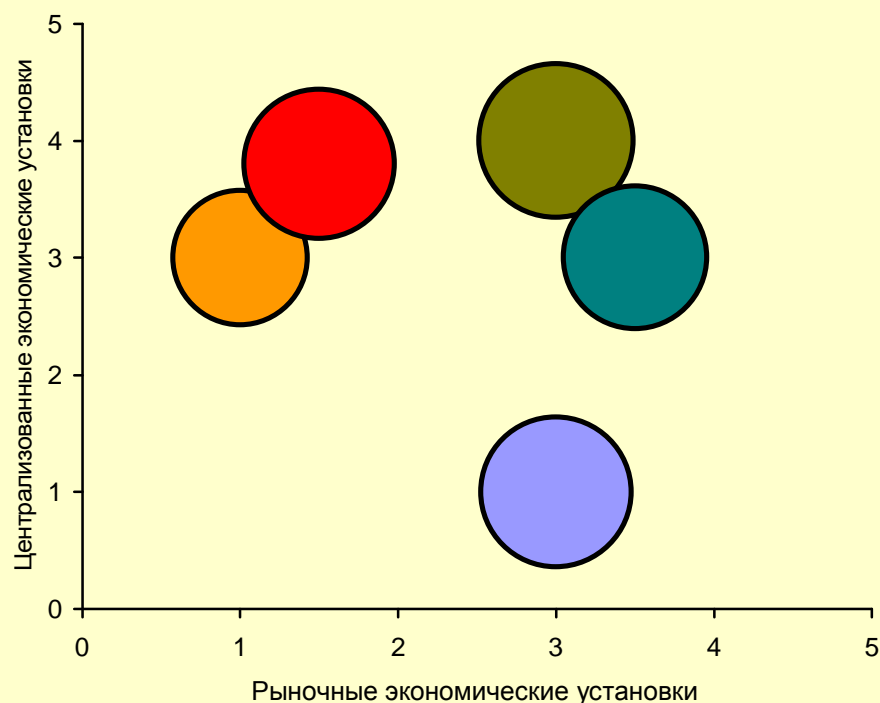
Сравнение экономических установок населения малых городов в 1999 и 2001-2002 гг. свидетельствует об определённых, однозначных за период в эти два года тенденциях (см. рисунки 8 и 9). В 1999 всё население городов делилось по своим экономическим установкам на две крайне неравные и сильно удалённые группы кластеров. Одну группу составлял единственный кластер (21% респондентов), состав которого образовали «рыночники» – люди с ярко выраженными рыночными установками (за полную свободу предпринимательства, привлечение в экономику иностранного капитала, свободное ценообразование, снижение контроля и сокращение всех форм государственной регуляции экономической деятельности).

Вторая группа была образована четырьмя кластерами в двух подгруппах. Её составили 79% респондентов, экономические установки которых были ориентированы на ожидание значительного государственного регулирования экономики. Два кластера в первой подгруппе (17% и 21%) составляли респонденты, выступающие за тотальный государственный контроль экономики, включая регулирование внешних экономических отношений и ограничение свободы предпринимательства. Два других кластера во второй подгруппе (22% и 19%) представляли «экономические максималисты», которые считали, что для оздоровления экономики страны необходимо как развитие рыночных механизмов, так и усиление государственного регулирования.

Таким образом, к 1999 подавляющее большинство населения малых городов сохраняли приверженность, можно сказать, «социалистическим» установкам. Но и группа людей, однозначно выступающих за примат рынка, была уже значительна.

Через два года, в течение которых наблюдались позитивные изменения как в экономике страны, так и в благосостоянии населения, система социально-экономических установок претерпела выразительные изменения. Кластер, объединяющий респондентов с ярко выраженными рыночными установками, остался столь же удалённым от кластера респондентов с выраженными государственными установками. Но при этом очень сильно изменились относительные «веса» этих кластеров. Первый кластер «рыночников» сократился в размере вдвое (12%), а кластер респондентов-«государственников» стал в значительной степени однородным и возрос в объёме в 3 раза (63%). Можно предполагать, что в него перешли индивиды, которые ранее образовывали смежные кластеры.

Социальные кластеры с разными экономическими установками 1999 г.

Дендрограмма отношений кластеров

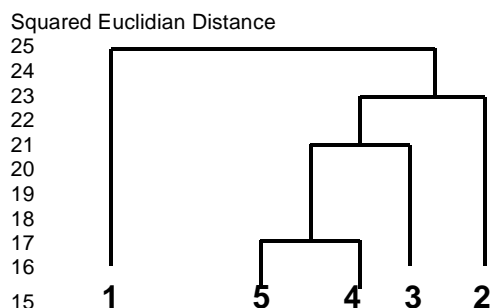
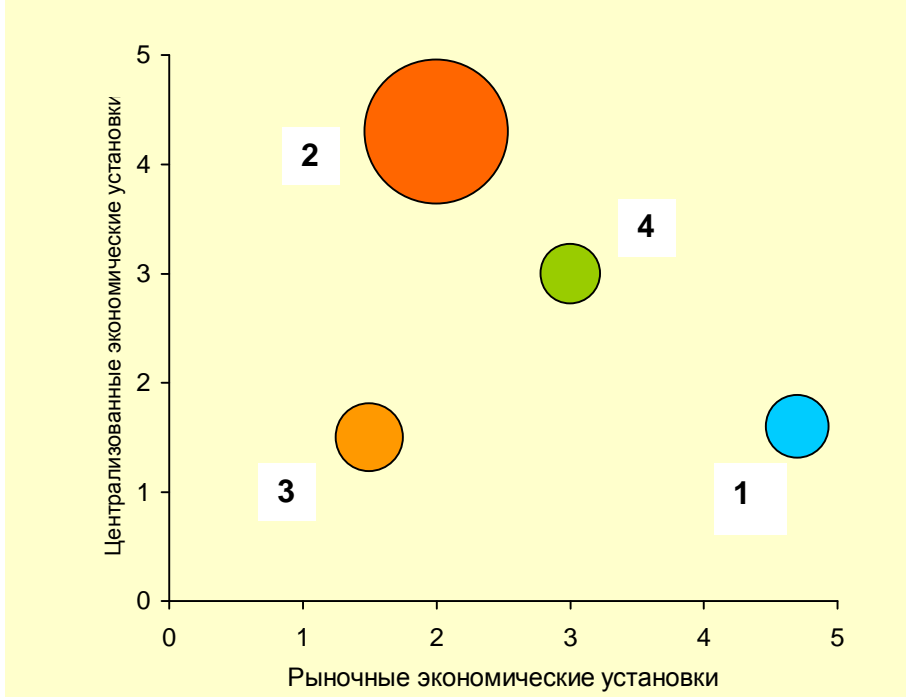

Рис. 8. На рисунке и дендрограмме показано взаимное расположение пяти кластеров с разными социально-экономическими установками в малых городах России в 1999 году.

Система координат "рыночные экономические установки" (по оси абсцисс) и "централизованные (регулируемые государством) экономические установки" (по оси ординат) построена на основе 6 индикаторов, шкалированных в интервале 0-5. Площади кругов соответствуют относительной (процентной) численности групп, а координаты их центров – это усредненные значения центров, соответствующие исходной ранговой шкале.

Вверху представлено взаимное расположение выделенных на основе иерархического кластерного анализа (см. дендрограмму ниже на схеме) пяти кластеров респондентов с разными социально-экономическими установками. Кластер № 1 – группа респондентов-«рыночников» (21%) с ярко выраженными рыночными установками (за полную свободу предпринимательства, привлечение в экономику иностранного капитала, свободное ценообразование, снижение контроля и сокращение всех форм государственной регуляции экономической деятельности)., Кластеры № 2 (17%) и № 3 (21%) составляют респонденты, выступающие за тотальный государственный контроль экономики, включая регулирование внешних экономических отношений и ограничение свободы предпринимательства. Кластеры № 4 (22%) и № 5 (19%) представлены «экономическими максималистами», которые считают, что для оздоровления экономики страны необходимо как развитие рыночных механизмов, так и усиление государственного регулирования. Ниже на схеме представлена дендрограмма взаимных отношений между кластерами, поясняющая отношения и расстояния между ними. Кластеры образуют две неравные сильно удалённые группы кластеров: в одной группе единственный кластер, а во второй – остальные четыре. Основаниями дифференциации их выступают различия в отношении к роли государственного регулирования экономики и рыночных механизмов для её развития. На шкале указаны значения квадратов евклидовых расстояний.

Социальные кластеры с разными экономическими установками, 2001-2002 гг.

Дендрограмма отношений кластеров

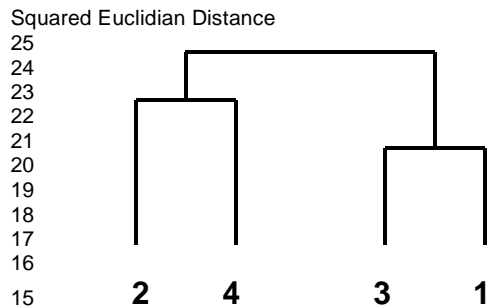

Рис. 9. На рисунке и дендрограмме показано взаимное расположение четырёх кластеров индивидов с разными социально-экономическими установками в малых городах России в 2001-2002 годах. Обозначения те же, что на рисунке 7.

Кластер № 1 – группа респондентов с ярко выраженными рыночными установками (за полную свободу предпринимательства, привлечение в экономику иностранного капитала, свободное ценообразование, снижение контроля и сокращение всех

форм государственной регуляции экономической деятельности). Это кластер «рыночников», относительный размер которого невелик – 12%. Кластер № 2 – группа, почти полярная по экономическим установкам группе № 1. Её составляют респонденты, выступающие за тотальный государственный контроль экономики, включая регулирование внешних экономических отношений и ограничение свободы предпринимательства. Это наибольшая по относительной численности группа – 63%. Кластер № 3 (14%) представлен «экономическими пессимистами», которые не считают, что для оздоровления экономики страны необходимо развитие рыночных механизмов или усиление государственного регулирования. В целом они полагают, что никакие меры не будут способствовать оздоровлению экономики. Кластер № 4 (11%) – «центристы» или «болото» («экономические максималисты»), предлагающие без разбора использовать как те, так и другие способы оздоровления экономики.

Ниже на схеме представлена дендрограмма взаимных отношений между четырьмя кластерами. Кластеры образуют две сильно удалённые группы («большие» кластеры), основаниями дифференциации которых выступают, в первую очередь, различия в отношении к роли государственного регулирования экономики для её развития (кластеры 1 и 3 более близки между собой, чем кластеры 2 и 4). На шкале указаны значения квадратов евклидовых расстояний.

В 2001-02 сформировалось выраженное различие между всеми кластерами, чего не было в 1999. При этом кластер, объединяющий «экономических максималистов», которые предлагают без разбора использовать как рыночные, так и государственные способы оздоровления экономики, (точнее их назвать «центристами») сохранил своё положение с 1999, хотя и редуцировался с двух смежных кластеров до одного и сократился более чем вдвое (11%).

Важно отметить, что за эти годы сложилась и стала распространяться (14%) новая экономическая установка: это кластер, представленный «экономическими пессимистами», которые не считают, что для оздоровления экономики страны необходимо развитие рыночных механизмов или усиление государственного регулирования. В целом они полагают, по-видимому, что никакие меры не будут способствовать оздоровлению экономики.

Таким образом, в последние годы мы наблюдаем более выраженную, чем в 1999, и более отчётливую поляризацию экономических установок населения, причём центр тяжести всё сильнее смещается в сторону «социалистических» установок, а значение «рыночных» ориентаций существенно сократилось всего за два года в провинциальном обществе.

Социально-политические установки и отношение к власти

Динамика социально-политических установок: 1999-2002

За эти два года произошли и некоторые изменения в политическом сознании людей и их социально-политических установках. По-видимому, эти установки стали ещё более определёнными, хотя это было отчётливо видно и в 1999 (см. рисунки 10 и 11).

В 1999 социально-политические установки жителей малых городов были отчётливо поляризованы по трём направлениям, с явным и значительным доминированием одного направления: основную долю (72%) составляли респонденты-«государственники», объединившиеся в «большой» кластер из трёх смежных. В обустройстве общества они придавали максимальное значение центральной власти, государству и очень малое – самодеятельности населения, развитию местного самоуправления. Именно эти люди, по моим наблюдениям, и составили электорат нового президента на последних выборах.

Полярная по отношению к этому «большому» кластеру группа людей (14%) разделяла установки на самодеятельную активность населения как единственный «гарант» политической стабилизации. В этом смысле кластер можно квалифицировать как «анархистов», поскольку они отказывают любым государственно-ориентированным формам активности в роли основных мер социально-политического обустройства.

Столь же небольшой по объёму кластер (14%) образовали люди с политически не определившимися установками, выбравшие все предложенные меры как могущие иметь позитивное значение. Следовательно, доля людей в провинциальном обществе, мало политически ориентированных, сравнительно невелика.

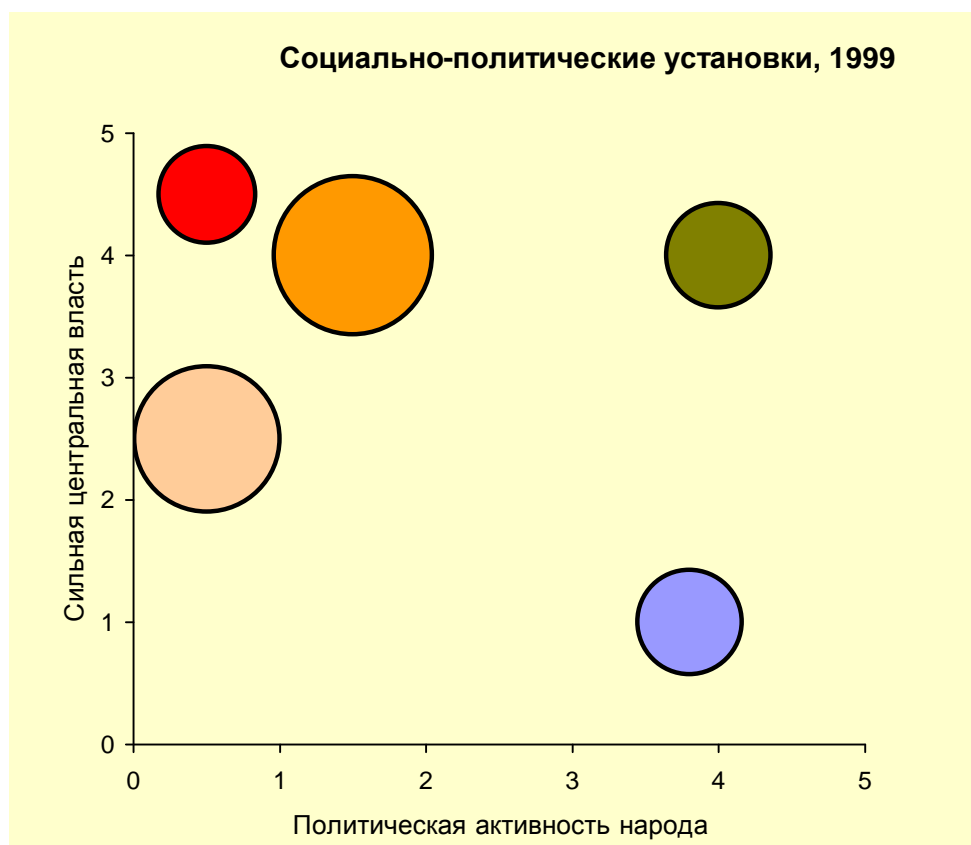

Рис. 10. Социально-политические установки населения малых городов России в 1999 г.

Взаимное расположение пяти кластеров респондентов в системе координат "ориентация на активность народа" (по абсцисс) и "ориентация на сильную центральную власть" (ось ординат). Площадь кружков соответствует относительной величине кластеров, координаты их центров - усредненные значения центров, соответствующие исходной ранговой шкале (ранги в интервале от 0 до 5).

Кластеры № 1, № 2 и № 3 образуют «большой» кластер, поляризованный по отношению к кластеру № 4. Кластер № 5 равноудалён от всех остальных. В первом кластере объединены 25% респондентов, ориентированных на сильную президентскую власть, как и усиление всех ветвей государственной власти. Их особенность, в отличие от двух других компонентов «большого» кластера, в том, что эти люди не принимают в качестве значимых мер по укреплению политической структуры общества ни самодеятельность населения и активность, идущую снизу, ни репрессивные меры, направленные сверху. Второй кластер объединяет людей (27%), чьи политические ориентации сугубо государственные: сильная исполнительная и законодательная власть обеспечит политическую стабильность в стране. Третий кластер (22%) представлен респондентами, которые связывают все позитивные политические изменения в стране только с расширением запретительных и репрессивных функций центральной власти, вовсе отказывая народной активности быть фактором стабилизации общества.

Полярный этим трём четвёртый кластер составлен респондентами - «анархистами» (14%): их установки ориентированы почти исключительно на самодеятельность населения и народную активность; роли центральной власти они придают минимальное значение. Можно думать, что кластер людей с такими «анархистскими» установками сформировался как реакция на глубокий политический кризис в стране, особенно после 1996 года.

Пятый фактор (14%) образован людьми, либо вовсе не определившимися в своих политических установках, либо полагающих, что надо испробовать любые меры для нормализации политической ситуации в стране. Сюда скорее всего входят люди, не имеющие отчётливой политической ориентации.

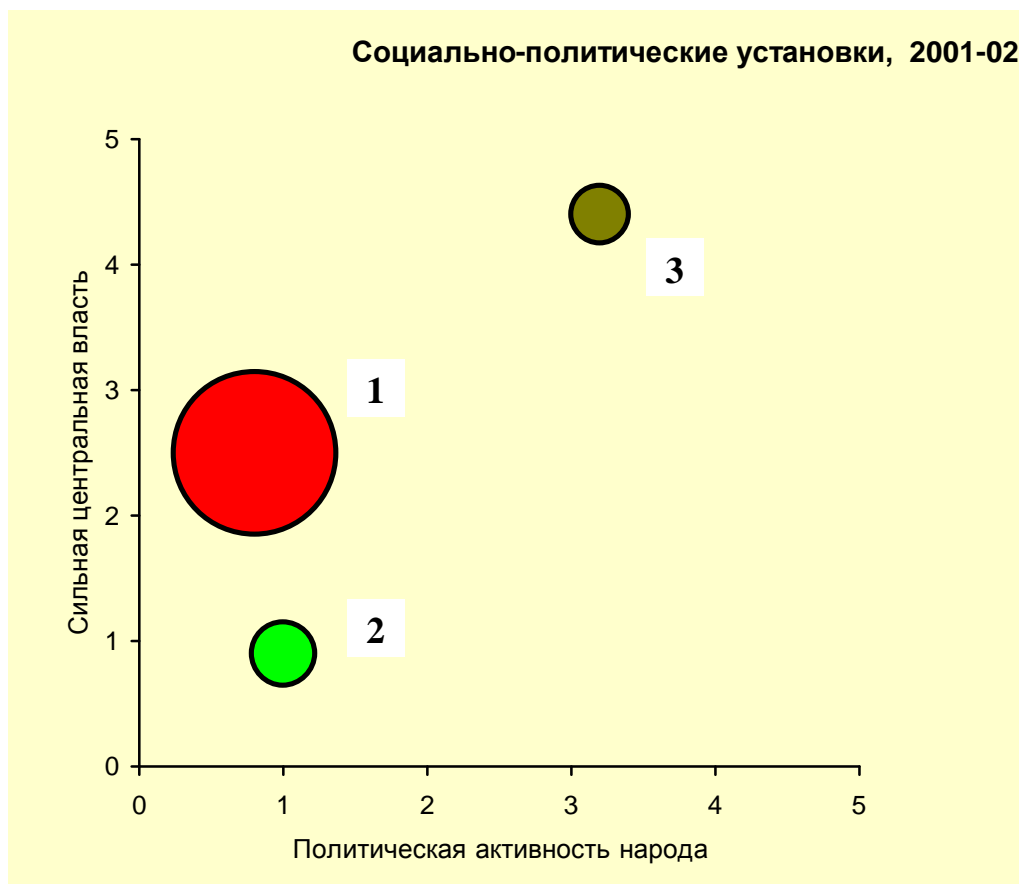

Рис. 11. Социально-политические установки населения малых городов России в 2001-2002.

Распределение политических аттитюдов оказалось более единообразным, чем за 2 года до этого времени. Выделить содержательно интерпретируемые кластеры с помощью быстрого (K-Mean) кластерного анализа не удалось. Иерархический кластерный анализ показал высокую агломерацию признаков в одном очень большом кластере (78%). Этот кластер распадается на 4-6 более мелких, но евклидово расстояние между ними меньше, чем между этим большим и двумя другими кластерами, в которых объединены 10% и 12% индивидов.

Взаимное расположение трёх кластеров полярное. В первом большом кластере объединены респонденты, ориентированные на сильную президентскую власть, повышение ответственности исполнительной власти, но, в то же время, не поддерживающие репрессивные действия властей. Эти люди не принимают самодеятельность населения и политическую активность, идущую снизу. По своим политическим аттитюдам кластер соответствует выделенному в 1999 кластеру № 1, но его численность увеличилась за 2 года в 2,5 раза.

Кластер № 2 расположен относительно близко к первому, но он представляет политические установки респондентов, которые не были выявлены в 1999: это в целом пессимистические взгляды на какие-либо меры, способные сейчас улучшить положение в обществе. Такой социально-политический пессимизм разделяют лишь 10-12% провинциального населения. В некотором смысле подобная позиция может свидетельствовать об апатии или успокоенности части населения.

Третий кластер (10%) максимально удалён и представлен респондентами, которые связывают позитивные политические изменения в стране как с радикальными запретительными и репрессивными мерами центральной власти, так и с выразительными формами массовой активности, прежде всего в виде массовых протестных акций населения.

В 2001-2002 поляризация политических установок возросла, но и «веса» кластеров стали различаться ещё более. Вероятно, из совокупности трёх кластеров с «государственными» установками сформировался один большой кластер, близкий по политическим установкам кластеру № 1 1999 года.

Совсем исчез кластер, в котором были объединены «анархистски» настроенные индивиды: в 2001-02 таковые, по-видимому, составили неразлично маленькую группу. Это следует расценивать как позитивный процесс в политическом сознании простых людей, поскольку «анархические» установки основывались на идее стихии и бунта, которые способны обустроить страну. То, что сейчас это печальное заблуждение уже мало кто разделяет, следует считать позитивным фактом.

Кластер индивидов с неопределившимися политическими установками в 2001-02 сохранился, каким он был и в 1999. Вероятно, доля этих людей в провинциальном обществе сокращается, хотя и в целом она невелика.

Отношение населения к реформам последнего десятилетия

Системный кризис российского общества, возможно, наиболее ярко проявился в динамике отношения простых людей к реформам последнего десятилетия в политической и экономической сферах. Если к периоду начала реформ «провинциальное» общество (жители сёл и малых городов) разделилось на три почти равные группы – безусловных оптимистов, поддерживающих политику реформаторов, столь же безусловных пессимистов, возлагающих на реформаторов ответственность за разрушение и упадок страны, и группу не определившихся в своих оценках людей, – то к концу периода реформ, к 1999, соотношение стало явно неблагоприятным для оптимистов: их доля настолько уменьшилась, что стала почти неразлично малой по сравнению со всем остальным населением, половина которого перешла в лагерь радикальных пессимистов, а другая половина – в число не определившихся с оценками людей (см. рис. 12).

Проявлением кризиса стала «вилка» политических аттитюдов, размах которой к 2000 году приобрёл угрожающие размеры и сопровождался значительным ростом скрытой социальной напряжённости среди всех слоёв провинциального общества.

Однако два следующих года характеризовались значительным улучшением ситуации. Оптимистичные оценки политических и экономических реформ возросли более чем в 5 раз, а пессимистические – сократились вдвое. Оценки «провинциального» населения направленности реформ приблизились к уровню 1995 – началу 1996. Видно, насколько в целом возрос оптимизм людей. Надо полагать, эти позитивные тенденции так или иначе связаны как с персональными изменениями в высших эшелонах власти после 2000 г., так и с развитием новых векторов политического и социально-экономического развития страны.

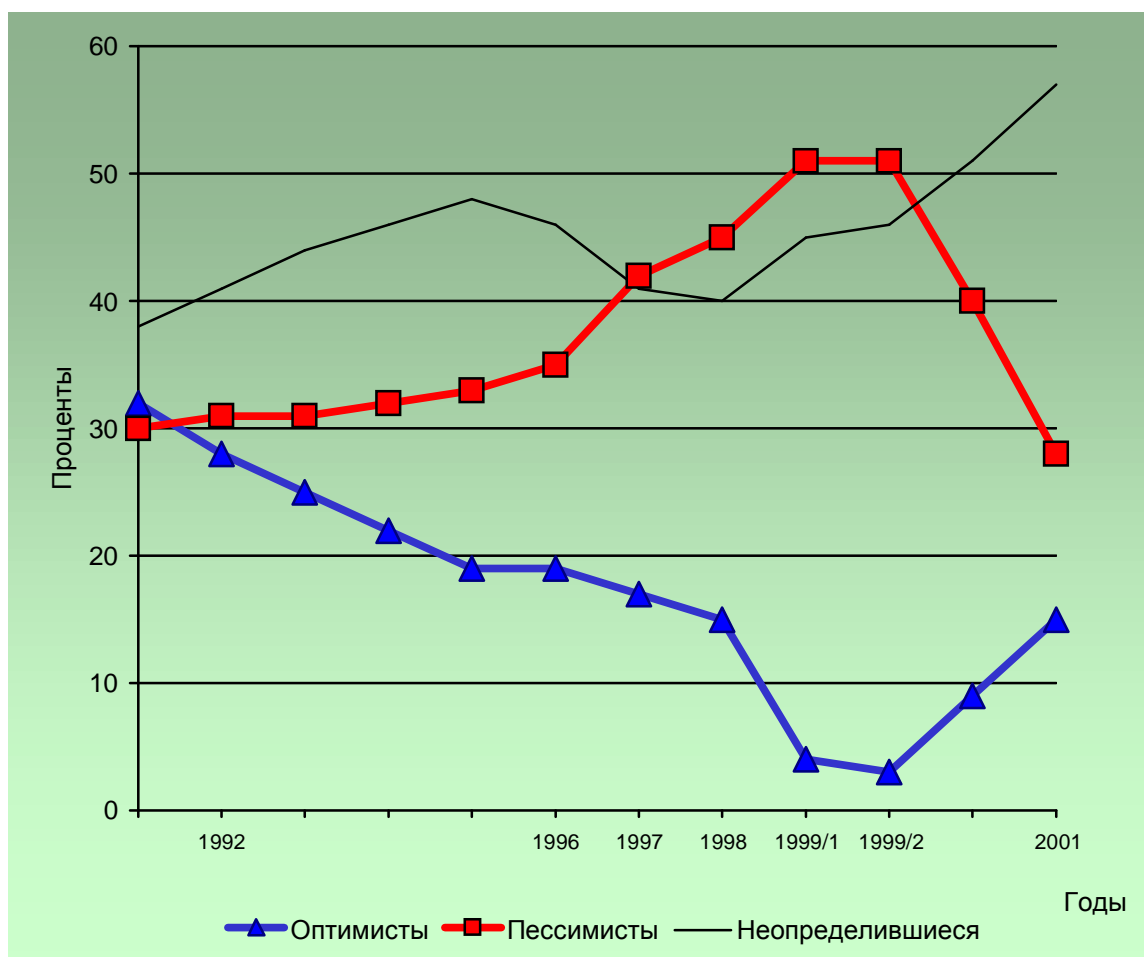

Рис. 12. Динамика отношения населения «провинциальной» России к реформаторской деятельности правительства. Взаимное соотношение трёх типов ответов респондентов (сумма всех ответов 100%) по годам опроса. На оси абсцисс отмечены только те годы, в которые мы проводили свои опросы. Остальные данные являются усреднёнными значениями, взятыми из нескольких других источников; точки за 2000 г. экстраполированы сглаживанием.

Умеренный оптимизм в отношении оценок направленности экономических, социальных и политических реформ в начале 90-х годов компенсировался столь же умеренным пессимизмом. Но со временем доля пессимистов неуклонно возрастала при столь же быстром и неуклонном уменьшении доли оптимистов. Эта «вилка» социально-политического противостояния реформам достигла критических значений к концу 1999 года, когда в провинции почти не осталось людей, которые бы поддерживали реформы федерального правительства. Всероссийский опрос 1999 показал, что реформы продолжают поддерживать менее 3% населения провинции. При этом число пессимистически настроенных людей в обществе превысило число не определившихся в своих оценках. Их доля превысила 50%.

Ситуация стала быстро и стабильно улучшаться только начиная с 2000 года и к концу 2001 – началу 2002 достигла состояния, соответствующего периоду 1996 – первой половине 1998.

Резюме

Период кризисного развития общества в 90-е годы обусловил быстрые и радикальные изменения в мировоззрении и социальных установках населения малых городов. Он затронул самые разные стороны мировоззрения и «обыденной» идеологии людей.

На уровне индивидуальных целей и ценностей, несмотря на то, что продолжают сохранять важное значение высшие (идеальные) цели жизни, начинают играть сравнительно большую роль индивидуалистические (эгоистические) жизненные установки, которые приходят на смену «социетальным» целям. Изменения в жизненных целях людей связаны с изменениями и в системе ценностей.

Продолжается крайне тревожный процесс смещения иерархии ценностей индивида к полюсу низших ценностей. К 2001-02 он достиг критических значений. С каждым годом всё большее число людей в провинциальном обществе относят к числу важнейших индивидуальных ценностей не ценности личностного саморазвития (творчество, красота, свобода, познание, понимание) или самоутверждения человека в обществе (работа, активная жизнь, общественное признание, равенство людей и т.п.), и даже не просоциальные ценности (любовь, дружба), а индивидуально ориентированные ценности физической безопасности и материального благополучия.

Соответственно и социальные ценностные предпочтения в обществе носят радикально материалистическую ориентацию: подавляющее большинство населения – до 4/5 населения – считают важнейшими условиями общественного развития в России обеспечение экономической стабильности, сохранение и повышение внутренней и внешней безопасности страны. Лишь менее 1/5 населения являются приверженцами постматериалистических ценностей: рассматривают социально-политические и гуманистические задачи в качестве определяющих будущее развитие страны. Сугубо материалистическая ориентация социальных ценностных предпочтений «провинциального» населения представляется неблагоприятной с точки зрения результативности политических усилий по дальнейшей интеграции России в западное мировое сообщество, для которого в целом характерны противоположные тенденции: уход от предпочтения материалистических социальных ценностей и возрастание значения постматериалистических ценностей.

При всём том, несмотря на тенденции роста индивидуализма, «провинциальное» общество сохраняет и поддерживает на высоком уровне значение семейно-родственных и соседских связей. В нём нет проблемы одиночества, столь острой для западного общества. Практически каждый человек рассчитывает и имеет моральную (психологическую) и даже материальную поддержку со стороны своих близких - родственников и соседей. Это следует рассматривать в качестве важного фактора стабильности общества.

На уровне обыденного мировоззрения совокупность социальных установок, связанных с представлениями о нормах и стереотипах поведения людей, свидетельствует об отходе от традиционных («архаических») взглядов на нормы человеческого поведения, как целиком зависимые от общества, подчинённые ему. В «провинциальном» обществе доминируют «индустриальные» (индивидуалистические и связанные с семьёй и профессиональным окружением) и смешанные «индустриально-современные» социальные установки (помимо индустриальных устано-

вок ориентированные дополнительно на постмодернистские - социально нефиксированные отношения, «толпу» и следование моде). Это может свидетельствовать о переходном характере обыденного мировоззрения в «провинциальном» обществе: наряду со сложившимися в послевоенное советское время установками развиваются и современные «постмодернистские» установки, которые, возможно, отражают возросшее культурно-политическое влияние западных обществ.

Религиозное сознание населения внутренне конфликтно: высокая религиозность людей и возрастающая потребность в вере не находят соответствия в конфессиональной приверженности и в готовности к тесной связи с церковью. В течение десятилетия это обостряющееся противоречие в массовом сознании разрешается, по-видимому, путём всё более частого обращения людей к экологической проблематике как новом выражении религиозного чувства.

Это формирует, соответственно, новое экологическое сознание людей, в котором начинают доминировать этические и эстетические ценностные установки по отношению к природе, замещая и вытесняя утилитарно-негативные экологические установки индустриальной эпохи. Такое развитие, элементы которого мы фиксируем уже теперь в сознании людей, создаст в будущем не только каркас новой - экологической - религиозности, но и новые стратегии (модели) экономического поведения самозанятого населения в провинциальных городах. Эти новые стратегии и модели будут базироваться на принципе экологически ориентированного предпринимательства. Точки такой активности стали повсеместно фиксироваться в малых городах. Её перспективность определяется не только нарастающей приверженностью ресурсосберегающим технологиям, но и ориентацией на новую стратегию: актуализацию человеческого потенциала, в противовес устаревшему индустриальному принципу человеческого ресурса. Это важный момент социально-экономической самоорганизации локального сообщества. Это шаг в будущее, сделанный «провинциальным» обществом самостоятельно и независимо от местной и центральной власти.

В социально-экономических установках населения произошли изменения, свидетельствующие о возросшей поляризации локального городского общества. Предпочтения, отдававшиеся частью населения либеральным рыночным установкам, стали утрачиваться и их значение в «провинциальном» обществе падает. Соответственно, упрочиваются «социалистические» экономические установки, связанные с представлениями о необходимости государственного регулирования и контроля экономики для обеспечения целей позитивного социального развития страны. На этом фоне сокращается число людей, всё ещё не определившихся в своих экономических установках и рассчитывающих на то, что любые меры могут способствовать позитивному развитию. Однако, сложилась и новая для «провинциального» общества социально-экономическая позиция: пессимизм в отношении необходимости и позитивной направленности любых реформ.

В социально-политических установках людей - во взглядах их на значение и роль государства и народа в обеспечении стабильности и процветания страны - также произошли определённые и быстрые сдвиги. И здесь сформировалась группа пессимистически настроенных людей, не верящих в действенность каких-либо сил, способных исправить положение дел в стране. Таких не было ещё в 1999. Это может свидетельствовать о тревожной тенденции нарастания усталости в обществе и достижения «точки кристаллизации» пессимистических умонастроений. Однако на этом фоне потеряли своё значение «анархистские» политические

установки, имевшие место в 1999, когда немалое число людей считало, что народная активность, выражающаяся в стихии и бунте, способна быть фактором организации и обустройства российского общества. Установки «государственников», людей, ориентированных на позитивную роль центральной власти, стали более консолидированными и их разделяет теперь ещё большая, чем прежде, часть населения малых городов.

Столь же определенные сдвиги в общественном сознании, позитивные по отношению к государству и центральной власти, произошли и при оценке направленности реформ. Нараставшее в течение всего десятилетия 90-х годов негативное отношение к политическим, социальным и экономическим реформам в «провинциальном» обществе, достигло критической точки к концу 1999, когда практически всё общество переместилось в лагерь отвергающих реформы или затрудняющихся определить в оценке значения их для будущего страны. Однако за два последних года произошли существенные позитивные сдвиги, свидетельствующие о том, что население восприняло и дало позитивную оценку новым векторам политического и социально-экономического развития страны.

Приложение

Методология исследований малых городов России в 1999-2002 гг.

1. *Объект и материал исследования.* Оба исследования проведены по одной и той же программе. Различия заключаются лишь в том, что в 1999 году проводилось исследование населения "провинциальной" России как в сёлах, так и в малых городах, и оно было направлено на выявление и анализ новых форм социально-экономической адаптации населения, социальных аттитудов и мировоззренческих трансформаций в результате десятилетнего кризиса. Исследование 2001 года относилось уже только к населению малых городов и первостепенной целью был анализ изменений в аттитудах и мировоззрении людей, а исследование экономического поведения домохозяйств носило второстепенный характер.

В 1999 году в период с июня по октябрь я организовал и провел всероссийское исследование, которым было охвачено 12 регионов России (республики Карелия и Хакасия, Алтайский и Красноярский края, Архангельская, Мурманская, Псковская, Тверская, Костромская, Новосибирская, Томская и Иркутская области), а также Витебская область Белоруссии. Данный опрос явился прямым продолжением аналогичных исследований в этом направлении, регулярно проводимых мною с 1995 г., а на эпизодической основе – с 1992.

Для сбора полевого материала были организованы 13 экспедиций. Опрос проведён в 84 населенных пунктах, в том числе в 53 сёлах с числом жителей от нескольких десятков до 4-4,5 тыс. человек и в 31 городе (в 26 полный опрос, в 5 - только интервью: Кемь, Чупа, Кандалакша, Умба, Вельск, Кулой, Полоцк, Остров, Себеж, Пустошка, Невель, Ржев, Селижарово, Старица, Зубцов, Шарья, Вохма, Боговарово, Рубцовск, Змеиногорск, Курья, Болотное, Здвинск, Северск, Мельниково, Тура, Абаза, Таштып, Чуна, Мама, Новый Уоян) с численностью населения от 4700 до 160 000 человек (только в трёх городах, где проведён опрос, число жителей превышает 50 000 человек).. Всего в опросе приняли участие 1922 человека, заполненные анкеты получены от 1718 респондентов (в том числе 425 человек выступили в качестве экспертов и заполнили соответствующие анкеты). Объем

городской выборки по анкетному опросу составил 1001 человек. Респонденты по основным популяционно-биологическим и социальным признакам репрезентативны населению России, проживающему в сельской местности, небольших городах и посёлках городского типа (численность которого составляет более 60% населения страны). Расчётная надёжность выборки по качественным признакам составила 97%.

Финансовую поддержку исследованию в 1999 г. оказали Российский гуманитарный научный фонд, Московский общественный научный фонд при поддержке Фонда Форда, Президиум Сибирского отделения Российской академии наук.

Исследование 2001-2002 года осуществлялось в период с начала июня 2001 по конец января 2002 и было проведено в 19 городах России (Камень-на-Оби, Гурьевск, Змеиногорск, Тара, Енисейск, Качканар, Верхотурье, Верхний Уфалей, Верхнеуральск, Болгар, Спасск-Рязанский, Козельск, Дорогобуж, Гдов, Углич, Канда-лакша, Умба, Кемь). В методическом плане акцент был сделан на наблюдения и интервью с людьми, которые могли выступать в качестве экспертов различных аспектов местной жизни. Интервью и наблюдения сопровождалось анкетным опросом населения. Всего опрошено около 1100 человек, в том числе с более чем 400 респондентами проведено интервью и 663 респондента дали ответы на вопросы анкеты. Структура анкеты аналогична той, что использовалась в 1999 г. (добавлены несколько вопросов, направленные на изучение социальных аттитюдов и представлений). Выборка анкетного опроса в целом репрезентативна генеральной по нескольким качественным социально-демографическим признакам.

Финансовую поддержку исследованию в 2001 г. оказали Российский гуманитарный научный фонд, Российский фонд фундаментальных исследований, Президиум Сибирского отделения Российской академии наук. Важная частная поддержка была оказана К.Н. Курановым.

2. Цели и методы исследования. Исследовательская программа в обоих случаях предусматривала решение четырёх взаимосвязанных задач (в 1999 более важными были первая и четвертая задачи, а в 2001 г. важными стали вторая и третья):

выявление новых форм экономического поведения домохозяйств (моделей жизнеобеспечения) в небольших локальных сообществах, появление и распространение которых обусловил системный кризис российского общества и хаотические социально-экономические процессы в течение последнего десятилетия;

фиксация происходящих в этот же период изменений в мировоззрении простых людей (социальных отношений, аттитюдов и ценностей, новых элементов идеологии);

социально-психологическая характеристика населения (психоземональный статус, трудовые и личные перспективы индивида, качество межличностных отношений в общине, её сплоченность);

оценка уровня скрытых (латентных) форм напряженности в обществе, развитие которых сопровождается как изменения в структуре экономического поведения людей, так и процессы социальной дезадаптации, эмоционального напряжения людей и трансформацию их мировоззрения.

Для решения этих задач использована методология, которая была представлена совокупностью разных по природе методов:

1. Массовые данные, необходимые для количественных оценок общественного мнения, получены с помощью небольшой социологической анкеты. Она состояла из 31 (в 1999) или 38 (в 2001) вопросов, предназначена для получения информации от респондентов по 70-80 отдельным показателям. Вопросы относились ко всем 4 направлениям исследования. Небольшой объем анкеты и ее акцент на проблемы респондента и его семьи (и, что важно, акцент на мировоззренческих и психологических проблемах) способствовали тому, что интервьюеры практически не имели отказов в заполнении анкеты. ; В каждом городе планировалось собрать от 30 до 55 анкет в зависимости от численности населения. Выборка выравнивалась по следующим показателям: (1) пол, (2) средний возраст, (3) сфера общественного производства, (4) социально-профессиональный статус. (Уровень образования – невалидный показатель, т.к. многие невольно или сознательно завышают его.) Опрос велся по домохозяйствам, выбор домов на улице может быть случаен, но не выше определенной доли. Доля определяется числом выбранных улиц. Выбор улиц в городе осуществляется по принципу равномерности. Таким образом, анкетный опрос был квотным.

2. С помощью экспертного опроса (в 1999 интервью и анкеты, в 2001 – только интервью) был осуществлен углубленный анализ экономической, социальной и политической ситуации в районе и городе. Интервью было углубленным (в среднем продолжительностью 1-2 часа, но некоторые интервью, особенно с руководителями города продолжались по 3-4 часа), структурированным, фокусированным на основные задачи исследования. Интервьюеры располагали вопросником, в котором фиксировались основные проблемы для обсуждения. Вся интересующая проблематика была представлена 15-ю группами проблем, в рамках которых обсуждались 49 основных вопросов.

3. Объективные социально-экономические и социально-демографические и разнообразие другие данные получены из различных источников (официальные статистические документы городской и районной администрации, справки и отчеты различных учреждений и ведомств города, местные газеты и бюллетени). Эти данные сведены в таблицу. Рецентная информация (на период последнего года) в местных СМИ, относящаяся к проблемам города, анализировалась содержательно (предварительный контент-анализ).

4. В качестве постоянного и важного метода использовалось непосредственное наблюдение повседневной жизни жителей города (экспертная исследовательская оценка), селитебных и промышленных зон, благодаря которому отмечались основные особенности организации жизни городского сообщества, поведения людей и их психологических особенностей.

Плюснин Юрий Михайлович
профессор, доктор философских наук, кандидат биологических наук
Главный научный сотрудник Лаборатории анализа развития науки
Объединенный институт истории, филологии и философии СО РАН
г. Новосибирск 630090, ул. акад. Николаева, 8
Plusnin@hum.sbras.ru